

Марина ЗАБОЛОННЯ

ПОКА ОН УМИРАЛ...

«Зачем человек этот, умеющий, как никто и никогда не умел до него, настраивать нашу душу на самый высокий и чудодейственно благозвучный строй, писатель, коему даром досталось никому ещё до него не дарованная свыше сила заставить нас, скудных умом, постигать самые непроходимые закоулки тайников нашего нравственного бытия, – зачем человек этот ударился в учительство, в манию проповедничества и просветления наших омраченных или ограниченных умов?»

Действительно, зачем, подумалось вслед за Петром Ильичом Чайковским после спектакля Карбаускиса, с монументальным хладнокровием представившего сочинение про Льва Толстого. Нет, правда, зачем? В его устремлении к естеству жизни мне всегда мерещится какая-то искусственность, прелюдия к очередному роману жизни, – жизни, над которой Лев Николаевич экспериментировал до последнего вздоха. Поживет-поживет – вот и «Анна Каренина» нарисовалась... Конечно, «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И «Дьявола», и «Крейцерову сонату» с себя списал, завершив, наконец, семейную войну и мир «Живым трупом». Будучи плохим драматургом (и Карбаускис это попытался показать в «Плодах просвещения», посвятив спектакль П. Фоменко), он был вечным режиссером собственной жизни, превращая дом в вертеп, близких – в марионеток... Эта идея жизни как тотального театра, наверно, подвигла режиссера на спектакль-фантазию под названием «Русский роман».

Чем удобен Толстой – так это своей выговорностью, разнообразием и полярностью своих высказываний. Под каждый его «реприманд» можно подверстать своего Толстого. Этим занимались при жизни, этим занимаются сейчас. Даже жена его, Софья Андреевна, признавалась в дневнике, что за сорок лет совместной жизни так и не узнала его.

Все смешалось в спектакле Карбаускиса. Толстой, которого нет, но по поводу которого собрались на сцене Каренины и Левины, сельчане и сельчанки, пассажиры, толстовцы, дети

писателя, его врач, его секретарь, его воительница-жена, своей надорванностью и бессильной истошностью больше похожая на Катерину Ивановну из «Преступления...», чем на Наташу Ростову. Впрочем, в данном спектакле роман «Война и мир», как и многое другое, выведено за скобки. Эпизоды приватной жизни рифмуются со сценами из «Анны Карениной» – как бильярдные шары, которые под ударом кия игрока-дилетанта, сталкиваясь и разлетаясь, в неожиданном касании устремляются в лузу. Что это было? Похороны любви? Но какой? Земной или Небесной? Софичной или содомичной? И что здесь первично? Что во что вложено: личная жизнь писателя в его романы, или наоборот? Чьими глазами увидено происходящее? Кто тут «лицо от автора»?

Кто-то из наших «серебряных» философов в размышлениях о русском Эросе, утверждал, что сила любви – в ревности. В литовском языке ревность и зависть означает одно слово – *pavydas*. В данном спектакле трое из сочинителей литовцы – автор сценария, автор музыки и постановщик. Удивительно, но исполнительница роли жены Толстого – Евгения Симонова – сыграла именно «павидас». Достигшая поразительных метаморфоз лицедейства у Валерия Саркисова (в «Анфисе», например) и Сергея Голомазова (в «Трех высоких женщинах», например), в «Русском романе», постоянно вызывая на себя огонь недоумения, актриса непривычно старательно и прямолинейно показала женщину на грани нервного срыва. Ее Софья Андреевна пребывает в попытке свести счеты с жизнью, докопаться до истины; в постоянном устремлении к мужу она ведет с ним

бесконечный разговор и попадает в заколдованный круг вопросов.

По Вл. Соловьёву любовь – полное изживание эгоизма. Именно любовь побеждает смерть. У него – это слияние двух душ с мировой душой, которая ассоциируется с вечной Женственностью, Софией (здравствуйте, Софья Андреевна!) Недаром и Блок выбрал женой Менделееву, как таинственную Незнакомку, с которой сохранял идеальную любовь, – недогадливую. Рационализма Карбаускиса хватает на эту зимнюю стужу, сковавшую Софью Андреевну отчаяньем, и ревность-любовь спорят в этой выжженной продувной Вечности с завистью и обидой ее беспокойного духа и эгоизма. Эрос многолик. А русский – и подавно.

Софья Андреевна то натывается на постаревшую соперницу пейзажницу Аксиныю, сохранившую из молодости вызывающе алый платок, то сталкивается с фантомным Чертковым, требуя вернуть дневники писателя... Да, если вспомнить бердяевскую мысль о «вечно бабьем» в русском характере, то и получается,

что одна актриса должна играть оборотня-толстовца, с дневником писателя за пазухой, и крестьянку Анисью в красном платке, отбравшую у нее в далекой молодости Левочку. А поскольку актриса Т. Орлова изображает обоих персонажей нарочито неестественными, почти инферральными, то и нам, зрителям, в пору умом тронуться. Примерещится же такое бесовство! В другой раз Софья Андреевна видит молоденькую Китти перед свадьбой и, глядя ее по щеке, опять вспоминает себя – семнадцатилетнюю... Влюбленность, искренность, тринадцать своих детей, меньше похожих на Льва Николаевича, чем «львята» от дворни...

Заблудившись, потеряв почву под ногами, Софья Андреевна словно провалилась в пространство «Анны Карениной». Или, может быть, это роман, который она, как и все остальные мужнины сочинения, переписывала и готовила к печати, взорвался в ее голове, беспощадно жая осколками ее мозг? Бедная Софья

Сцена из спектакля.
Фото С. Петрова

Андреевна! Тысячи страниц переписаны на-бело. Прожито столько жизней персонажей: Анна Каренина, Протасова-Каренина. С каждой героиней она отождествляла себя... И вот, нате вам: дневники мужа в руках секретаря Черткова. И она, ошпаренная на всю жизнь его откровенным юношеским дневником, отданным ей перед свадьбой, мучимая своей отверженностью, своим удаленным местом в жизни мужа, а, значит, и в большой истории, мечется, бедная, гоняя по дому чертей, окропляя святой водой Черткова, с наглой ухмылкой являющегося ей из шкафа... То разговаривает с умершим сыночком своим Ванечкой, то набросится на Аксинью, выкрикивая ей в лицо обвинения в свинячьей любви с баринном. Ах, как унизительно жить на всеобщем обозрении, в лучах чужой славы, ходить с обожженными ресницами и красными глазами от невыносимого бремени страстей человеческих.

Ох, как раздражают ламентации и истерика Софьи Андреевны, глухой срывающийся голос актрисы. Ах, как хочется заткнуть уши, чтобы не слышать ее крик, или сбежать из театра, чтобы поскорей забыть этот бытовой терроризм и не узнать, чем сердце бедной успокоится. А ведь успокоится! Только после смерти Толстого и экспроприации ее «Левочки» народными массами, не путившими ее даже к телу умирающего, сознание Софьи Андреевны фокусируется на домашнем застолье. На поминках будто бы собралась вся семья, она, дети... и мальчик в костюме Бэтмана промелькнул... Вот только булочка, которую хотела откусить, оказалась деревянной...

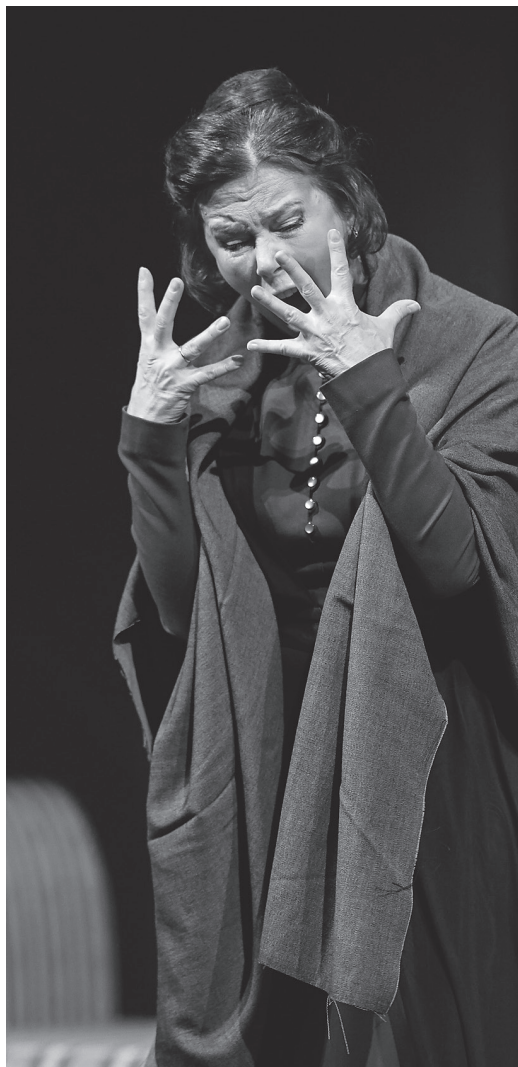
Каково руководить театром А. Гончарова, – учителя Фоменко, Някрошюса, Андрея Борисова и даже Богомолова?! Тяжела ты, шапка Мономаха... Сам когда-то не вписавшийся в систему координат «фоменок», Карбаускис мужественно взвалил на себя ответственность за чужеродный театр. Пришлось, наверно, идти на компромиссы с собой, усмиряя художественные амбиции. В поисках собственной театральной образности М. Карбаускис, как будто ведет внутренний монолог со своим учителем, по капле выдавливая из себя школярство, уворачиваясь от «психоложества» и прочих милых

побрякушек, писков, вздохов, завитков. Этот бэкграунд Учителя-мучителя то оставляет, то приближается. И если в его милой дипломной работе – пушкинской «Русалочке» – были и невесомость, и лаконизм, поэзией дышала сцена, то теперь легкие шаги превратились в твердую поступь. И рукопожатие его весомо. Его литературоцентричность уплотняет ткань спектакля, сценические метафоры начинают прихрамывать под тяжестью дум. И актеры его, действительно, не порхают и не щебечут.

В «Русском романе» нордически-метафизическое режиссера возобладало. Спектакль похож на выдуваемые уличными клоунами огромные мыльные пузыри. Они меняют форму в своем разрастании, переливаются перламутром, готовые сорваться и взлететь. Вот облако, похожее на роляль. Вот Левин и нервная Китти с исповедью жениха... Вот Левин жалуется няньке на Китти... Вот вызывающе прекрасная Анна между двумя мужчинами удачно влезает одной рукой в рукав пальто Каренина, а другой – в шинель Вронского. Но ведь долго так не стоишь. И любовь не вечна... Все это наплывает мороком, как и ощущение вселенского холода на сцене.

В противоречивости и многословии своем, с вечными раскопками истины и правды, Толстой так и остался для нас великим Неизвестным. Ни проповедника, ни столпника из Толстого не вышло. Да и затворничество в конце жизни не удалось. Софья Андреевна думает, что муж от нее ушел в другую комнату, а оказалось – в вечность. Смешиваясь с героями романов, давно уже потерявшая свою самость, разъятая на части, разобранный на детали семейного быта и художественного вымысла, она знает, что и за гробом он будет рядом. Потому и на сцене – не просто дом писателя, а кулисы его души. Все смешалось в доме Толстого, и режиссер с драматургом смонтировали одну абсолютно несчастливую семью.

Размах в создании спектакля был грандиозный: поездка творческой бригады в Ясную Поляну, написание семейной саги Ивашкявичюсом. Про личную жизнь звезды обывателю всегда интересно. А тут – про самого Толстого! Совесть нации. Пророк в отечестве.

Е. Симонова – Софья Толстая.
Фото С. Петрова

Конечно, даже не читавший Толстого с жадностью набрасывается на территорию его личной жизни. И гению ничто человеческое не чуждо. Се человек! Наверно, кого-то манит заглянуть в личную жизнь, приоткрыть завесу тайного, скрытого. Почему же спектакль не пронзил мое сердце, не оросил слезами мою душу? Эффект чужой площадки? Депрессивная атмосфера БДТ, на сцене которого проходили гастроли Театра им. Маяковского?

Сложилось впечатление, что Карбаускис побывал на месте французского публициста, приехавшего однажды в Ясную Поляну посмотреть, как Толстой пашет... Именно так: не пишет, а идет за сохой. И увидел режиссер жизнь, как роман, в котором реальность и выдумка сошлись вместе, вбрасывая в пустое пространство прошлое и настоящее. И перехода в мир иной здесь нет. Как симультанны декорации С. Бархина, так симультанно бытие, с мириадами молекул, букашек, людей, бактерий, идей, мыслей, черных дыр и бозонов Хиггса.

Спектакль столь же громоздок, сколь громоздка жизнь писателя. Исповедуя все виды любви и никак не обделяя себя в плотских утехах, он превратил свой брак в мыльную оперу. Может быть, режиссер не знал о существовании телевизионного канала «Русский роман» с отечественной мелодрамой в круглосуточном режиме, но кто-то и здесь услышит смысловую рифму. Погруженный в философские идеи, проверяя их на домочадцах, превращая жену и детей в марионеток, наш русский гений переживал трагический разрыв между художественным и реальным. Наверно, поэтому и спектакль Карбаускиса вышел тягучим и тоже – насквозь умозрительным. Роман жизни Толстого оказался скучнее написанных им романов.

Если б я не увидела в Боярских палатах «Толстого нет» с Ольгой Лапшиной в роли Софьи Андреевны, пожалуй, не столь очевидны показались мне преимущества камерного пространства перед большой сценой. Ибо есть темы крупного плана, когда шепоты и крики будто сами рождаются в мозгу зрителя, и у актеров не наблюдается ни вздутых вен на шеях, ни краски и пота на лицах. Есть интимные темы, о которых говорят глаза в глаза, тихим голосом. Есть темы кухни и кафе, есть – стадиона или Гайд-парка. Но в театре можно все. Ибо – это «такая кафедра, с которой можно много сделать миру добра». И стоя на котурнах многотысячного амфитеатра, рассказать про инцест сына с матерью, про убийство детей назло сбегавшему мужу...